

А. В. Андреев

Размышления о папском примате в перспективе диалога с православными

УДК 272-732.2:27-72
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_80
EDN SWETNY

Аннотация: В статье излагается современное учение Католической Церкви о примате Римского папы. Особо рассматриваются те аспекты этого учения, которые являются неприемлемыми для православного богословия. Делается вывод о том, что решение спорных вопросов возможно на основе экклезиологии общения и троической экклезиологии.

Ключевые слова: примат, епископат, Римский папа, экклезиология общения, полная, прямая, ординарная, истинно епископская власть.

Об авторе: **Алексей Вячеславович Андреев**

Лицензиат священной теологии (STL), преподаватель Высшей Католической Духовной Семинарии «Мария – Царица Апостолов», Санкт-Петербург.

E-mail: aav.proprius@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0629-8921>

Для цитирования: Андреев А. В. Размышления о папском примате в перспективе диалога с православными // Христианское чтение. 2024. № 3. С. 80–94.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; одобрена после рецензирования 16.03.2024; принята к публикации 03.04.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2024

Alexey V. Andreev

Reflections on Papal Primacy
in the Future Dialogue with the Orthodox

UDK 272-732.2:27-72

DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_80

EDN SWETNY

Abstract: The article presents the modern teaching of the Catholic Church on the primacy of the Roman Pope. The aspects of this doctrine unacceptable for Orthodox theology are considered in particular. The conclusion is made that their explanation is possible on the basis of ecclesiology of communion and Trinitarian ecclesiology.

Keywords: primacy, episcopate, Pope, ecclesiology of communion, full direct ordinary true episcopal authority.

About the author: **Alexey Vyacheslavovich Andreev**

Licentiate of Sacred Theology (STL), Lecturer at the Saint Petersburg Roman Catholic Theological Academy – Mary Queen of the Apostles Seminary, St. Petersburg.

E-mail: aav.proprius@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0629-8921>

For citation: Andreev A. V. Reflections on Papal Primacy in the Future Dialogue with the Orthodox. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 3, pp. 80–94.

The article was submitted 14.02.2024; approved after reviewing 16.03.2024; accepted for publication 03.04.2024.

Вопрос о примате Римского епископа, который ныне признается основополагающим различием между православной и католической экклезиологией, был поздно поставлен церковным сознанием. И на сегодняшний день он, как это ни парадоксально, нуждается в более глубоком раскрытии и осмыслении не только православными, но и католиками.

Не напрасно папа св. Иоанн-Павел II, понимая животрепещущую важность осмысления проблемы примата, призывал христиан «найти такую форму первенства, которая, ни в коей мере не поступаясь тем, что для нее характерно, была бы открыта новой ситуации» [Иоанн-Павел II, 2000б, 480–481].

Для решения этой непростой задачи необходим богословский метод. Сегодня таким методом является экклезиология общения, разделяемая как православными, так и католическими богословами и положенная в основу богословского диалога. В первоначальном, православном варианте (у прот. Николая Афанасьева и др.) — это евхаристическая экклезиология, развиваемая в современном православном богословии в троическую экклезиологию. Эта богословская дисциплина еще развивается, однозначных ответов на целый ряд вопросов еще не дано, и по некоторым аспектам существуют расхождения между католическим и православным их пониманиями. Но при этом наш диалог признает, что экклезиология общения — это верный метод, без которого обращение к проблеме римского первенства было бы бесперспективным и научно необоснованным.

Этот подход выражен в документах смешанной комиссии по богословскому диалогу: «Тайна Церкви и Евхаристии в свете тайны Святой Троицы» (Мюнхен, 1982), «Вера, Таинства и единство Церкви» (Бари, 1987), «Таинство священства в структуре таинств Церкви (В частности, важность апостольской преемственности для освящения и единения народа Божьего)» (Новый Валаам, 1988), «Соборность и первенство в первом тысячелетии: на пути к общему пониманию служения единства Церкви» (Кьети, 2016); [Тайна Церкви и Евхаристии, 1982, 273–284; Вера, таинства и единство Церкви, 1987, 286, 289; Таинство священства, 1988, 301–305; Synodality and Primacy, 2016, 1–3, 8–14], в Выводах Смешанного православно-католического комитета во Франции, выработанных в результате дискуссий на тему «Первенство Римского епископа, соборность и общение Церквей» (1991) [Выводы, 1998, 112–117], а также в «Письме Конгрегации по вопросам вероучения Епископам Католической Церкви о некоторых аспектах представления о Церкви как об общении» (1992) [Письмо, 1994, 18–22]. (Объем статьи не позволяет перечислить названия других документов и исследований, посвященных экклезиологии общения.)

Согласно этой экклезиологии, бытие Церкви коренится в Евхаристии и в тайне Троического общения. Каждая Поместная Церковь благодаря Евхаристии содержит в себе полноту Вселенской Церкви. И каждая Церковь осуществляет свое единство с другими Церквями, по образу Лиц Святой Троицы [Synodality and Primacy, 2016, 1]. Все Церкви онтологически между собой равны.

Епископ каждой Церкви является епископом Вселенской Церкви (см.: [Тайна Церкви и Евхаристии, 1982, 276–277]). Эту истину хорошо показывает учение о единой кафедре Петра, занимаемой всем епископатом (*una cathedra Petri*), распространенное в Церкви в первые три столетия ее истории (см.: [Андреев, 2019, 7–14]).

Евхаристия совершается Церковью, и ее совершение возглавляется одним предстоятелем. Первенство, таким образом, заложено в самой сущности Церкви.

Епископ един с Церковью, и все, что может быть сказано о Церкви или Церквях, относится и к их епископам. По архиерейскому достоинству они абсолютно равны. В то же время первенство одного из них, если можно так выразиться, также абсолютно. Правильным пониманием первенства и соборности является, несомненно, образ Пресвятой Троицы, дающий нам образец как совершенного первенства Отчей ипостаси, так и совершенного единства и равенства всех Божественных Лиц.

Классическая формула единства и взаимоотношений первенствующего епископа и епископской коллегии дана в 34-м Апостольском правиле.

Таким образом, первенство Римского епископа, на наш взгляд, должно предполагать следующие условия:

а) Онтологически — равенство Поместных Церквей, в том числе и Римской.

б) Иерархически — первенство одной Церкви и ее епископа — Римского. В этом плане равенства между епископами и их Церквями нет, говорим ли мы о Римском папе и епископах Католической Церкви или о предстоятеле какой-либо Поместной Православной Церкви и ее епископате.

с) Наконец, необходимо единство с местными Церквями и их епископами. Первенства в Церкви в отрыве от Церкви не существует (см.: [Андреев, 2018, 244–248]).

Догматические документы о папском примате в исторической перспективе. Понятие власти

Исходя из этого, можно попытаться дать оценку современному состоянию доктрины Католической Церкви о папском примате.

Следует отметить, что вопрос о примате не был поднят, и — главное — решен в I тысячелетии. После великого церковного раскола на Западе начинает все больше доминировать административный элемент. В Средние века это власть епископов и папы. Григорианская реформа выдвигает предельно централизаторскую концепцию единства Церкви [Lanne, 1979, 8; Rodríguez, 2002, 98]. В борьбе с Реформацией, оспаривавшей видимую сторону Церкви, католичество, не отрицая, конечно, ее невидимый аспект, делает особый акцент на ее видимой, организационной стороне. Эта сторона на практике отождествляется опять же с церковным управлением, олицетворяемым папством. Происходит еще более жесткая централизация [Наги, 1994, 195].

Вопрос о примате был поставлен на Ферраро-Флорентийском Соборе 1438–1439 гг. Однако по-настоящему он там не обсуждался, и его решение нельзя признать удовлетворительным (см. буллу «Laetentur caeli»: [Laetentur caeli, 15]). Объединительная формула по-разному понималась греками и латинянами (см. подр.: [Фрис, 1992, 105–107]).

На Востоке и в дальнейшем продолжалось неприятие римского примата (см.: [Послание Восточных Патриархов, 1848, 221; Окружное послание, 1895, 258–260]). Какого-либо позитивного учения о месте и роли в Церкви ап. Петра и, в особенности, папы православие, разумеется, не выработало.

Рим же вернулся к этому вопросу в XIX в., дав ему определение на I Ватиканском Соборе в Догматической конституции «Pastor Aeternus». Экклесиология этого документа в главных чертах опирается на учение о Церкви Тридентского Собора (1545–1564), определившего Церковь в основном как общество. В обществе важную роль играет авторитет, носителем которого выступает его глава. «Pastor Aeternus» предполагалась вначале как Догматическая конституция о Церкви с вводной главой о Церкви как Теле Христовом. Собор, однако, не был завершен из-за франко-прусской войны. Завершена была лишь Конституция «Pastor Aeternus» (см. подр.: [Эве, 1994, 5; Каспер, 2006, 25]), декларирующая примат юрисдикции Римского папы [Pastor Aeternus, 3].

Известно, что этот документ считается неприемлемым в Православной Церкви. Доктрина, изложенная в нем, понимается как учение об абсолютной власти Римского папы над Церковью по образцу государственной власти. Католическое богословие понимает учение «Pastor Aeternus» иначе. Во-первых, власть папы не понимается как власть церковного монарха, а во-вторых, для правильного понимания доктрины I Ватиканского Собора надо принимать во внимание историческую обстановку, в которой она появилась. В экстремальной ситуации папа должен был иметь возможность непосредственно руководить Церковью, что и стремились обосновать отцы Собора (см. подр.: [Каспер, 2006, 29–30; Поттмайер, 2006, 244–246]). В силу этих

причин и произошло «нарушение экклезиологического равновесия», по выражению монс. Густава Тильса [Тильс, 1972, 23].

Соборное определение примата юрисдикции декларирует и Кодекс канонического права папы Пия X, изданный при Бенедикте XV [CIC, 1919, 62–63].

В XX столетии II Ватиканский Собор принимает Догматическую конституцию «Lumen Gentium» (21 ноября 1964 г.). Можно сказать, что Собор этот сделал то, что не смог сделать I Ватиканский Собор: учение о папском примате, сформулированное в «Pastor Aeternus», было дополнено учением о епископате как носителе высшей власти в Церкви. Важно то, что соборная экклезиология воспринимается католическим богословием как экклезиология общения (см. подр.: [Le Synode Extraordinaire, 1985, 17–46]).

Таким образом, католическое учение о папском примате необходимо рассматривать в совокупности с учением о епископате. Конституция «Pastor Aeternus» должна дополняться Конституцией «Lumen Gentium» [Lumen Gentium, III, 18; II Primato 2002, 13]. Аутентичное учение по данному вопросу излагает также Катехизис Католической Церкви (ч. 1, гл. 3, ст. 9). Кроме того, властные prerogative Римского первосвященника определены в Кодексе канонического права (Codex Iuris Canonici), ч. II, разд. I, гл. I: «О Римском первосвященнике и о Коллегии епископов» («De Romano Pontifice deque collegio Episcoporum»).

Важное понятие, нуждающееся здесь в уточнении, — понятие о власти. Власть, по замечанию прот. Н. Афанасьева, «входит в Церковь, так как Церковь содержит в себе служение управления, но власть в Церкви должна соответствовать ее природе, а не быть гетерогенной по отношению к ней. В последнем случае она оказалась бы властью над Церковью, а, следовательно, над Христом» [Афанасьев, 1971, 301]. Власть в Церкви, принадлежащая епископату, должна в существе своем быть властью по образу власти Христа, пришедшего послужить братии. Но это не значит, что на практике это служение не может иметь властных атрибутов.

II Ватиканский Собор сделал в данном направлении важный шаг: он определил иерархию как *служение* (диаконию) [Lumen Gentium, III, 18]. Весьма конкретно на это указывает и современный Катехизис Католической Церкви (ч. 1, § 4) [Катехизис, 1996, 875]. Более того, по католическому учению, иерархическое служение носит коллегиальный (соборный) характер (ч. 1, § 4) [Катехизис, 1996, 876]. Наконец, служение в Церкви лично: каждый член иерархии совершает его лично, хотя и в единстве с Церковью (ч. 1, § 4) [Катехизис, 1996, 877].

Эти три существенные характеристики церковного служения вытекают из его sacramentalного характера и тесно связаны между собой. «Таинственное служение в Церкви, — резюмирует Катехизис, — есть, таким образом, служение коллегиальное и личное, несомое во имя Христа. Это обнаруживается в связях между коллегией епископов и его главою, преемником св. Петра, и в соотношении пастырской ответственности епископа за свою отдельную Церковь с общей заботой коллегии епископов о Вселенской Церкви» (ч. 1, § 4) [Катехизис, 1996, 879].

Современное учение о примате. Критические замечания

Исходя из этих замечаний, католическое учение о папском примате можно определить следующим образом.

Носителем высшей власти в Церкви является преемственный от апостолов епископат, во главе которого, как Петр среди апостолов, стоит папа [Lumen Gentium, III, 22]. Причем правильным будет признание наличия даже не двух субъектов высшей церковной власти (папа и епископат), а одного (епископат во главе с папой или же папа в единстве с епископатом) [Наги, 1994, 296; Lumen Gentium (Нотификации), 75; CIC, 1983, канон 330]. Разделение епископата и папы следует признать неправомерным. Епископская коллегия без своего главы не является коллегией (или Собором) [Lumen Gentium, III, 22; Lumen Gentium (Нотификации), 76; Юркович, 1995, 67], но и глава

без коллегии, которую он возглавляет, — нонсенс. «Епископ Рима, — как подчеркивал папа Иоанн-Павел II, — член „коллегии“, и остальные епископы — его братья в служении» [Иоанн-Павел II, 2000б, 480].

Указывая на субъект высшей власти в Церкви, мы сказали: епископат во главе с папой, сделал акцент на соборности, или коллегиальности. Однако ныне действующий Кодекс ставит иной акцент. Провозгласив в 330-м каноне единство правящего папы с епископатом, современный Кодекс немедленно нарушает это равновесие в следующих канонах, как на это справедливо указывает католический канонист проф. о. Либеро Джероза. По его словам, в статьях «О Римском Понтифике» и «О коллегии епископов», а также в других разделах «церковный законодатель, вопреки учению II Ватиканского Собора и того же 330-го канона, с удивительной настойчивостью ставит Римского Первосвященника впереди коллегии епископов» [Джероза, 1996, 342]. Обратим внимание также и на то методологическое разделение двух субъектов высшей церковной власти, которое мы находим в Нотификации, приложенных к документам II Ватиканского Собора [Lumen Gentium (Нотификации), 75]. Очевидно, такое положение вряд ли сможет быть признано удовлетворительным для православной экклезиологии. Однако, по нашему мнению, здесь можно найти выход: не ставя под сомнение и не умаляя первенство Римской кафедры, следует сделать более сильный акцент на соборности, то есть на коллегии епископов. Хороший пример этому показывает приснопамятный папа Иоанн-Павел II в энциклике «*Ut unum sint*».

Итак, папа является главой коллегии епископов, и эта коллегия является носителем высшей церковной власти. Однако, как уточняет «*Lumen Gentium*», она является таковой лишь «со своим главой, Римским Понтификом, и никогда без этого главы» [Lumen Gentium, III, 22].

Православное богословие, конечно, не станет отрицать необходимость единства папы с епископатом. Проблематичным для православных может оказаться утверждение о том, что епископат является субъектом высшей церковной власти только со своим главой — папой, «и никогда без этого главы». Здесь может возникнуть вопрос: является ли вселенский епископат таковым субъектом во время вакансии папского престола? Не предлагая пока никакого готового решения, укажем, что эта проблема также нуждается в богословском осмыслении.

Наиболее значимым и торжественным способом высшая власть осуществляется епископами на Вселенском Соборе [Lumen Gentium, III, 22; CIC, 1983, канон 337.1]. Он является, таким образом, субъектом высшей церковной власти [CIC, 1919, канон 228.1]. При этом Вселенский Собор не мыслится без папы, обеспечивающего ему статус вселенскости. «Не бывает никогда Вселенского Собора, если он как таковой не утвержден или, по крайней мере, не принят преемником Петра. И прерогатива Римского Первосвященника — созывать эти Соборы, председательствовать на них и утверждать их», — гласит Догматическая конституция «*Lumen Gentium*» [Lumen Gentium, III, 22; см. также: CIC, 1983, канон 338.1]. Но и папская ратификация немислима без единства с соборными отцами [CIC, 1983, канон 341.1; Юркович, 1995, 69]. Папа руководит Собором [CIC, 1983, канон 338.1, 2], и апелляция к Собору, обжалующая папское решение, недопустима [CIC, 1983, канон 333.3]. Последнее положение, как это очевидно, также не может сегодня найти поддержки среди православных.

Папа, как преемник главы апостолов Петра, обладает по Божественному праву первенством обычной (ординарной) власти [Pastor Aeternus, 3, 5; Lumen Gentium, III, 22; II Primato, 2002, I, 6]. Это значит, что папа, осуществляя служение Петрово (*ministerium Petrinum*), обладает властью в силу самого своего служения, а не в силу предоставления ее епископатом [II Primato, 2002, I, 5; Поттмайер, 2006, 247; Джероза, 1996, 343; Иоанн-Павел II, 2000а, 288]. По объяснению монсеньора Зинелли, данному на I Ватиканском Соборе от лица Комиссии по вопросам веры, власть ординарная — это власть, «связанная со служением согласно постоянной обязанности, в противовес власти делегированной» [Тильс, 1972, 21].

Помимо того, что власть папы ординарная (*ordinaria*), т.е. вытекающая из самой его должности, она признается также верховной (*suprema*). Это значит, что в осуществлении своей власти папа «свободен и независим от членов Коллегии епископов, будучи как таковой „никому не подсуден“ (канон 1404)» [Джероза, 1996, 343]. Такое понимание власти папы также не может быть признано приемлемым для современного православного церковного сознания. Кроме того, власть папы — полная (*plena*). В ней сосредоточено все необходимое папе для исполнения его служения, и она распространяется не только на вопросы веры и обычаев, но и на дисциплину и управление Церковью. По этой причине она «содержит все элементы, касающиеся законодательной, исполнительной, или административной, и судебной функций» [Юркович, 1995, 60; Джероза, 1996, 343].

Власть папы является епископальной, или «подлинно епископской» («*vere episcopalis*»). Это означает, что «пастырская власть папы и епископов основана на том же таинстве», но папа «наделен ею вместе с епископатам для полноты Церкви и в ее высшей форме, в то время как епископы полномочны только в рамках своего диоцеза и иерархического подчинения папе» [Поттмайер, 2006, 248]. Отцы I Ватиканского Собора дали такое определение папской власти в противовес убеждению сторонников галликанизма, которые считали, что право вмешательства папы в дела местных Церквей нарушает права епископов.

Кроме того, власть папы является также непосредственной, или прямой (*immediate*). Это значит, что свои властные полномочия папа может осуществлять без разрешения или посредничества епископов, вмешиваясь в дела местных Церквей [СИС, 1983, канон 333. 1; Юркович, 1995, 60; Джероза, 1996, 343–344]. В особых случаях члены Церкви могут обращаться напрямую к папе, минуя своего епископа [Юркович, 1995, 60].

Эти атрибуты папской власти, пожалуй, в наименьшей степени могут быть приемлемыми для христиан-некатоликов. Здесь I Ватиканский Собор оставил серьезную недоработку: на нем не были рассмотрены ни проблема ограничения примата, ни соотношение власти папы как власти непосредственной и епископской с собственно епископским служением как на уровне Вселенской Церкви, так и на уровне епархиальном. Впрочем, католические комментаторы деяний этого Собора неизменно подчеркивают: власть папы не предполагает регулярного вмешательства в текущие епархиальные дела (см. подр.: [Тильс, 1972, 21–22]). Однако вряд ли такое уточнение удовлетворит православных. В этом направлении еще должна проводиться серьезная богословская работа.

Что здесь можно утверждать определенно? Власть папы именно по существу своему, по природе — епископская, «истинно епископская» («*vere episcopalis*»), а не патриаршая или митрополичья (см.: [Rodríguez, 2002, 93, 105]). Папа является *епископом* поместной Римской Церкви. Но эта Церковь обладает первенством. И благодаря этому примату епископ Рима выступает в качестве *папы* во Вселенской Церкви (см.: [Rodríguez, 2002, 94]). Но как папа он не является неким сверх-епископом в каждой Поместной Церкви, где епископствуют свои предстоятели. Эти положения, конечно, антиномичны, но католики должны их принимать как данность.

Папе подчинены все «пастыри и верные» «всех чинов и всех обрядов», как в вопросах веры и нравственности, так и в делах, «касающихся порядка и управления Церковью, распространенной по всему миру» [Pastor Aeternus, 3]. Поэтому власть папы является также и вселенской (*universalis*). В понимании современного католического канонического права это власть, «сфера действия которой охватывает *communio Ecclesiae et Ecclesiarum* в целом, потому что только папа является главой коллегии епископов, а значит, и *caput totius Ecclesiae* (главой всей Церкви)» [Юркович, 1995, 60; Джероза, 1996, 344].

Папе принадлежит вся «полнота власти» («*plentitudo potestatis*»), а не какая-либо ее часть, хотя бы и большая [Pastor Aeternus, 3]. С этой «полнотой» тоже возникают проблемы. Главная из них: есть ли у нее ограничения? Отцы I Ватиканского Собора этот вопрос не рассматривали. Впрочем, соглашаясь с выводами монсеньора Г. Тильса,

можно предположить, что соборные отцы согласились бы с тем, что объективное ограничение у полной власти может иметь место. И ограничена эта власть может быть «либо правом естественным, либо правом Божественным» [Тильс, 1972, 22].

Папа — верховный судия, и его суд является окончательным. Конституция «Pastor Aeternus» гласит: «Так как Божественное право апостольского первенства ставит папу Римского надо всей Церковью, мы учим и провозглашаем также, что он является верховным судьей верных и что во всем, что касается церковной юрисдикции, можно апеллировать к его суду. Суд Апостольского престола, выше которого нет никакой власти, не должен никем ставиться под сомнение, и никто не имеет права осуждать его решения. Поэтому уклоняются с пути истинной веры те, кто утверждают, что позволено апеллировать власти над папой Римским на Вселенском Соборе» [Pastor Aeternus, 3]. Современное каноническое право также отражает это. Канон 1404, открывающий соответствующий раздел Кодекса, гласит: «Prima Sedes a nemine iudicatur» [CIC, 1983, канон 1404]. Вот еще один тезис, совершенно неприемлемый для экклесиологической традиции Православных Церквей. При наличии *такого* определения папского примата, надо это признать, невозможно пока рассчитывать на взаимопонимание между православными и католиками. Не будем, тем не менее, делать поспешных выводов и обратимся к еще одной проблеме, важность которой для Православной Церкви трудно переоценить.

Как соотносятся между собой непосредственная папская власть и юрисдикция епископов, управляющих местными Церквами? Как утверждает еще «Pastor Aeternus», «эта власть вселенского архиерея никоим образом не является препятствием обычной и непосредственной власти епископальной юрисдикции, которой епископы, поставленные Святым Духом (Деян 20:28) преемниками апостолов, пасут, управляют как истинные пастыри каждый своей паствой» [Pastor Aeternus, 3]. Епископы — не делегаты папы, и нельзя думать, что в Поместных Церквях епископская юрисдикция поглощается папской. Епископы — преемники апостолов, и они осуществляют свою власть также по Божественному установлению [Lumen Gentium, III, 27]. Декларация немецкого епископата (1875), утвержденная папой Пием IX, гласит: «В силу того же установления Божия, на котором основывается должность папы, основывается также епископат: ему принадлежат права и обязанности в силу распоряжения, исходящего от Самого Бога, а папа не имеет ни права, ни власти их изменять» [Иоанн-Павел II, 2000а, 289].

Размышляя об этой серьезной экклесиологической проблеме еще в начале работы II Ватиканского Собора, видный католический богослов К. Ранер в сотрудничестве с Й. Ратцингером, позднее — папой Бенедиктом XVI, пришел к следующим выводам. «При абсолютной монархии не существует никаких независимых от его (монарха. — А. А.) воли конституционных институтов. Конечно, воля абсолютного монарха может быть ограничена известными фактами и моральными обязательствами. Но там, где его воля ограничивается какими-нибудь институтами, относящимися к конституционной структуре общества... мы не можем больше говорить об абсолютной монархии. Именно так и построена Церковь; ибо воля папы, поскольку он является высшей властью Церкви, ограничена такой реальностью, которая по воле Бога принадлежит к конституции Церкви, а именно епископатом. Не только папа фактически не может отменить епископат (если бы он это сделал, он лишил бы себя всех средств управления Вселенской Церковью), но он стоит лицом к лицу с епископатом, который не является институтом должностных лиц, созданным им самим и который он мог бы ликвидировать... Ибо епископат установлен Богом, и папский примат является основой юридического строя Церкви только совокупно с епископатом, также непосредственно установленным Христом» [Ранер, 1976, 5–6].

По католическому учению, епископы, как и апостолы, суть причастники власти Христа. В их лице «среди верующих присутствует Господь Иисус Христос, Верховный Первосвященник». «Епископы преимущественным и очевидным образом замещают Самого Христа, Учителя, Пастыря и Первосвященника, и действуют от Его лица» [Lumen Gentium, III, 21; CIC, 1983, канон 336]. Их власть — также, как и власть

папы — признается Католической Церковью собственной, ординарной и непосредственной [CIC, 1983, канон 333.1; Юркович, 1995, 60]. Сам же папа связан в общении с епископами [CIC, 1983, канон 333.2].

В идеале взаимоотношения «папа — епископы» следовало бы рассматривать по образцу взаимоотношений Лиц Пресвятой Троицы, поскольку и само единство Церкви онтологически задано именно по этому образцу, как уже выше отмечалось. И именно обратясь к иконе Троицы, мы верно можем судить о римском первенстве «в свете истинной соборности», как справедливо отмечает прот. Борис Бобринский [Бобринский, 1992, 42]. В этом случае было бы гарантировано, с одной стороны, равенство всех епископов, и папы в том числе, поскольку он — епископ по «существу», т.е. по архиерейской благодати. С другой же стороны, этим утверждалось бы и безусловное первенство папы, с согласия которого должно осуществляться все в церковной жизни. Католическое богословие такой подход, кстати, признает (см.: [Dejaifve, 1961, 147]).

Кроме того, важно отметить, что, как Римский епископ в качестве преемника ап. Петра «есть постоянное и зримое начало и основа единства как епископов, так и множества верных», так и «каждый из епископов является зримым началом и основой единства в своей отдельной Церкви, созданной по образу Вселенской Церкви, в которых и из которых состоит единая и единственная Вселенская (Catholica) Церковь. Поэтому каждый из епископов представляет свою Церковь, а все они вместе с папой — всю Церковь в союзе мира, любви и единства» [Lumen Gentium, III, 23]. Таким образом, каждый из епископов не осуществляет свою епископскую юрисдикцию над другими Церквями или над Вселенской Церковью. Епископы имеют попечение о Вселенской Церкви лишь коллегиально, и обязательно с главой своей коллегии — папой. Что же касается папы, то он, в силу своего «Петрова служения», такое попечение несет лично. (В этих формулировках мы, видимо, имеем определенные «пережитки» т.н. универсалистской экклезиологии. Каждый епископ действительно не осуществляет свою «юрисдикцию» над «не своими» Церквями, но забота о всех Церквях входит необходимой составляющей в «епископе» каждого епископа. Верно указание и на коллегиальность, и на единство с папой. Но то, что папа несет попечение о Вселенской Церкви лично, не следует понимать, что он делает это в отрыве от коллегии... Традиционные католические формулировки все-таки жестковаты, и католическому богословию надо или дать, по возможности, четкие и ясные комментарии к ним с позиции экклезиологии общения, или просто предложить новые, приемлемые для православных, если последние не могут предложить свои.)

И важно еще раз подчеркнуть, что свои властные прерогативы папа имеет в силу самого своего служения, своей должности, своего первенства в епископате, который он возглавляет [CIC, 1983, канон 331]. Его власть является ординарной (ordinaria), т.к., по Божественному праву, она связана с самой его должностью (см.: [Юркович, 1995, 60]).

Папское служение, однако, не является некоей высшей над епископатом степенью священства, оно не передается через рукоположение. Папа — епископ, и по епископской благодати он воистину *primus inter pares*. Во главе епископата он стоит лишь в силу своего особого Петрова служения. И папой в полном смысле слова он становится с момента своего избрания, если он уже епископ [CIC, 1983, канон 332.1].

Наконец, епископская коллегия, возглавляемая папой, является также носителем так называемой учительной власти, являющейся неотъемлемой составляющей епископского служения, и связанной с этой властью харизмой вероучительной безошибочности. При этом папа, как глава епископской коллегии, персонально наделен этой харизмой, когда выступает по вопросам веры и нравственности «*ex cathedra*» [Pastor Aeternus, 4]. Каждому отдельно взятому епископу харизму вероучительной безошибочности Католическая Церковь не усваивает [Lumen Gentium, III, 25].

Итак, согласно католическому вероучению, папа Римский осуществляет высшую церковную власть как:

1) верховный законодатель всей Церкви (при этом он подчинен не церковным законам, а Божественному праву);

2) верховный наставник, обладающий вероучительной безошибочностью в силу занимаемой должности, когда он в качестве верховного пастыря и учителя окончательным образом провозглашает учение о вере или нравственности (СИС, 1983, канон 749. 1);

3) и верховный судия. Он может привлекать к рассмотрению любое судебное дело: как спорное, так и карательное [СИС, 1983, канон 1417. 1]. Осуществляет он эту власть как лично, так и через суды.

Выводы

В завершение обзора католического учения о примате спросим: могут ли сегодня православные признать его учением не только вполне ортодоксальным, но и законченным, которое Православным Церквам остается лишь принять в готовом виде?

Ответ на это дает сама Католическая Церковь решениями II Ватиканского Собора, которые, «по сравнению с прошлым, с большей полнотой отвечают истинному представлению о первенстве в Церкви» [Ставровский, 1985, 97]. Речь здесь, конечно, идет об экклезиологии общения и епископате как субъекте высшей церковной власти. Но и сами эти решения еще не являются окончательными. Как отметил на римском симпозиуме 2003 г. кардинал Вальтер Каспер, «II Ватиканскому Собору не удалось полностью совместить эти новые элементы — которые на самом деле полностью соответствуют древней традиции — с положениями I Ватиканского Собора. Не удалось найти целостного решения всех вопросов. Порой говорили о двух разных экклезиологиях в текстах Собора. По окончании Собора все это привело к разногласиям относительно интерпретации, которые в значительной степени не преодолены и сегодня. В этом смысле и II Ватиканский Собор остался незавершенным. Включение служения Петра в экклезиологию в целом, равно как и соотношение вселенского и местного аспектов Церкви, применимость принципа подчиненности и ряд других богословских и практических вопросов не получили окончательного решения» [Каспер, 2006, 26].

Учение о примате Римского епископа нуждается в большем осмыслении и уточнении со стороны католиков. При этом то же самое следовало бы сказать и о православных. И это при том, что сам факт Римского первенства есть факт, общепризнанный всей полнотой Церкви. Это первенство основано на первенстве св. ап. Петра, честные мощи которого пребывают в Риме. В католическом понимании (разделяемом и рядом православных богословов) Римский епископ несет служение ап. Петра, несет его преимущественно перед всеми другими епископами. Это служение по своей глубочайшей сути — служение епископа, предстоятеля на Евхаристии, главы Церкви, председательствующего «на месте Бога» (*εις τόπον θεοῦ*) [Ignatius: *Ad Magnesios*, 6, 668]. Епископ Рима служит единству Церкви. В едином епископате единой Церкви он — «*visible principium et fundamentum* (видимое начало и фундамент)» [Lumen Gentium, III, 23; Иоанн-Павел II, 2000б, 440–441]. В этом смысл и цель его первенства.

Первенство в Церкви — не самоцель в большей степени, чем где-либо еще. И оно должно быть первенством по образу первенства, или главенства, Христа. Это — не господство в мирском, административном смысле, а служение братии. Первенствующий иерарх пребывает в единстве с Церковью и с епископатом. Это католическое богословие утверждало, кстати, и до II Ватиканского Собора [Dejaifve, 1961, 146]. И его первенство здесь может и должно богословски пониматься как первенство по образу соотношений Лиц Святой Троицы. Абсолютное равенство и единство Ипостасей в Ней сочетается с абсолютным же главенством Бога Отца.

Можно ли в этом плане говорить о подчинении Церкви и епископов папе? Видимо, да. Но еще лучше будет определение главенства папы в единстве епископата как «иерархическое общение», которое предлагает нам послесоборная католическая экклезиология [Lumen Gentium (Нотификации), Предварительное пояснительное примечание 2-е, 75].

Административно-юридическое определение примата, думается, будет неизбежным в земном бытии Церкви. Но это определение не может считаться ни исчерпывающим, ни даже просто оптимальным. Не в том его суть. Оно в принципе может определять лишь способы осуществления первенства, да и то лишь для Католических Церквей латинского обряда, пребывающих в непосредственном подчинении папе, как патриарху Запада. В осуществлении примата для Православных Церквей не может идти речи об *административном подчинении* Риму. Сегодня это понимает и сам Рим.

И потому был прав папа Бенедикт XVI, когда, еще будучи кардиналом и префектом Конгрегации вероучения, говорил, что «в отношении учения о примате Рим не должен требовать от Востока более того, что было сформулировано и воплощено в жизнь еще в первом тысячелетии» (цит. по: [Вальдмюллер, 1995, 24–25]).

И, тем не менее, современная католическая доктрина о папском примате может плодотворно использоваться Православными Церквями в выработке общепринятого понимания роли Римского папы в Церкви Христовой. Эта доктрина, во-первых, сохранила сам феномен римского Петрова первенства, издревле существовавшего в Церкви. А во-вторых, католическая послесоборная экклезиология совершенно недвусмысленно устраняет тот перекося в сторону гипертрофированного понимания папского главенства, который христианский Восток долгое время видел в средневековом папстве, а позже – в определениях Догматической конституции «*Pastor Aeternus*».

Эта Конституция, как подчеркивают католические исследователи, декларирует прежде всего *факт* папского примата, а не его *форму*. Она констатирует наличие этого первенства по Божественному праву – именно как факт. И она не ставит перед собой задачу дать ему определение с точки зрения права канонического (см.: [Тильс, 1972, 22; Rodríguez, 2002, 104]). Хотя та атрибуция папской власти, которая предлагается данным документом, насквозь пронизана юридизмом. И на сегодня это, конечно же, не является удачным решением поставленной отцами I Ватиканского Собора задачи. Более того, без дополняющего «*Pastor Aeternus*» учения «*Lumen Gentium*» о власти епископата существовала бы реальная опасность прочтения определений I *Vaticanum*'а в совершенно ложном ключе: Католическая Церковь есть огромная всемирная епархия одного Вселенского епископа – папы (см.: [Rodríguez, 2002, 105]).

Католическая экклезиология утверждает полноту папской власти, полноту власти епископата и их неразрывное единство в теле Церкви. Папа един с епископатам и со Вселенским Собором. А это – высшие органы церковной власти. Верное прочтение «*Lumen Gentium*» будет, несомненно, следующим: в Церкви существует единое епископство, осуществляющее единую власть. Все епископы пасут одно стадо верных. Епископат онтологически – «*unus et indivisus*» (см.: [Rodríguez, 2002, 106, 102]). В этом вопросе современная католическая доктрина верна древнецерковному учению о едином епископате, занимающем одну «кафедру Петрову».

Сама власть папы – епископская. Она имеет с епископатам одно происхождение и одну природу. И власть папы, и власть епископов – собственная, ординарная и непосредственная. И власть папы, и власть епископов является Божественным установлением. В их единстве, думается, примиряется противоречие, которое существует в двух различных взглядах на Вселенскую Церковь. Это «структура Вселенской Церкви (примат, коллегия епископов) и структура поместной Церкви (епископское служение)» (цит. по: [Вальдмюллер, 1995, 20]).

Наконец, тот факт, что власть папы не может рассматриваться в качестве некоей альтернативы власти епископов на местах, также следует из учения о едином епископате.

И последнее. Существует острая и настоятельная потребность в определении значения понятия «церковная власть». Католическая доктрина предлагает юридическое ее определение (даже при том, что сама власть понимается по существу своему как служение). Оно, несомненно, имеет ценность. Но это определение нельзя считать самодостаточным, даже относя понятие «власть» не только к папе, а и к епископам. Необходима новая терминология. Даже новый язык. Сейчас это понимают

и католики, и не католики. Как справедливо заметил в свое время старокатолический богослов д-р Гюнтер Гассман, «речь идет о том, чтобы найти новые слова, да даже новый язык для экуменически приемлемого Петрова служения. Во всяком случае, язык — и в этом заключается „крест“ проблемы, — в котором римско-католическому христианину не надо будет изменять своей вере, и православный, древнекатолический и евангелический христианин сможет ощутить право на веру, обоснованную на Евангелии. Теперь мне скажут: попробуй-ка, сделай такую формулу! Конечно, теология должна обратиться к таким заданиям... Необходимым и срочным является прежде всего негативно подготовить путь, т.е. удалить те аргументации, за которые сегодня нельзя больше быть ответственными» [Гассман, 1974, 36].

Собственно, к тому же поиску, сопряженному с молитвой, призывает христиан и сама Католическая Церковь. «В этой экуменической деятельности первоочередную важность имеют молитва, покаяние, изучение, диалог и сотрудничество, — говорится в Письме Конгрегации вероучения от 28 мая 1992 г., — чтобы, благодаря новому обращению ко Господу, всем было возможно признать постоянство примата Петра в его преемниках, епископах Римских, и увидеть осуществление служения Петра таким, каковое угодно Господу, как вселенское апостольское служение, присутствующее внутри всех Церквей, и, не посягая на свою природу Божественного установления, могущее выражаться различными способами, в соответствии со временем и местом, чему подтверждение — история» [Письмо, 1994, 17–18].

И повторим еще раз, что, по нашему глубокому убеждению, католическое послесоборное учение о папском примате дает прежде всего верное *направление* пониманию места и роли единого епископата в единой Вселенской Церкви. Прежде всего, церковная власть понимается в существе своем как служение, причем служение коллегиальное, или соборное. Епископат мыслится в неразрывном, органическом единстве с его главой — папой Римским, занимающим первенствующий престол и несущим Петрово служение. Папа также не отделяется от епископата. Даже одинаковые характеристики существа власти папы и епископов, хотя бы и предложенные через административно-юридическое преломление, показывают как то, что папа не является абсолютным церковным монархом, так и то, что его служение — такое же епископское, как и у всех. *Суть*, думается нам, верна. Она позволит понять именно в этом ракурсе самую болезненную проблему — проблему примата юрисдикции — исходя из учения о едином епископате.

Со своей стороны, католическая экклезиология должна дать такое ясное и недвусмысленное объяснение прерогативам папской власти, изложенным в «*Pastor Aeternus*» и «*Lumen Gentium*», чтобы у православных не оставалось понимания этой власти как некоей всемирной верховной юрисдикции с имперскими чертами. Бесспорно, что та формулировка папской власти, которую предлагает ныне действующий Кодекс канонического права, не может удовлетворить православных. Это касается прежде всего следующих определений:

- 1) Власть верховная («*suprema*»). Здесь, конечно, возникнет вопрос о верховенстве папы над Соборами. Однако, пока мы будем пребывать на почве юридикзма, ни к какому согласию мы не придем. Не лучше ли здесь обратиться к т.н. троической экклезиологии и попытаться осмыслить первенство в Церкви по аналогии с соотношением Лиц Пресвятой Троицы?
- 2) Власть полная («*plena*», «*plentitudo potestatis*»). Как соотносится эта полнота со властью епископата или Вселенского Собора? Это — снова вопрос экклезиологии. Видимо, это — та же самая власть, которую папа может осуществлять и персонально, но, конечно, в единстве с Церковью (епископатом, Собором).
- 3) Власть непосредственная или прямая («*immediata*»). Как ее можно соотносить с самостоятельностью местных Церквей и властью местных епископов? Как понимать право папы на вмешательство в дела местных Церквей? Ответ можно попытаться выработать, исходя из учения о едином епископстве и единой *cathedra Petri*.

- 4) В уточнении нуждается, пожалуй, и определение «подлинно (или истинно) епископская» («vere episcopalis»). Ясно, что в каждой Церкви может быть только один епископ и власть папы не должна дублировать власть местного епископа или подавлять ее. Католическая доктрина, как мы видели, опровергает такое понимание папской власти. В выражении «истинно епископская» мы можем видеть указание на природу папской власти. Православные должны иметь точный комментарий к этому определению.
- 5) Власть вселенская («universalis»), предполагающая, что папе подчинены все пастыри и все верные, всех чинов и всех обрядов, и в вопросах веры и нравственности, и в вопросах порядка и управления всемирной Церковью. Пока такое чисто административное определение будет существовать, ни о каком согласии с Православной Церковью, очевидно, речи идти не может. Здесь снова можно обратиться к пояснению п. 1.
- 6) Те же претензии православные могут высказать, и касаясь прав папы как верховного судии над Церковью.
- 7) Наконец, в пояснении нуждается также и учение о папской вероучительной безошибочности. Это учение, надо честно признать, в действительности неизвестно православным, и его следует рассматривать отдельно.

В системе универсалистской экклесиологии, насквозь проникнутые юридически-правовым сознанием, эти определения никогда не будут приняты православными. Необходимо осмыслить их в обновленной экклесиологии общения, причем лучше всего — сообща с Православными Церквями. Экклесиология эта еще только развивается, и легкого и быстрого решения этих вопросов мы вряд ли можем ожидать. Но все-таки, опираясь на все послесоборное учение о примате папы в комплексе, мы надеемся, что согласие и взаимопонимание достижимо. И главное для этого, конечно же, — искреннее обращение к Господу Иисусу Христу, истинному Главе Церкви, с молитвой о единстве.

Источники и литература

1. Андреев (2018) — Андреев О. Підхід до проблеми церковної першості з позицій еклесіології сопричастя // Гілея. Науковий вісник. Київ, 2018. № 128 (1). С. 243–250.
2. Андреев (2019) — Андреев А. Учение свмч. Киприана Карфагенского о единой *cathedra Petri* и его актуальность в обсуждении проблемы папского примата // Гілея. Науковий вісник. Київ, 2019. № 142 (3). Ч. 2. С. 7–14.
3. Афанасьев (1971) — Афанасьев Н., *протопресв.* Церковь Духа Святого. Paris: ИМКА-Press, 1971.
4. Бобринский (1992) — Бобринский Б., *протопресв.* Итоги экуменического диалога между католиками и православными // Le Messenger. Вестник РХД. 1992. Is. II. № 165. Париж; Нью-Йорк; М., 1992. С. 31–43.
5. Вальдмюллер (1995) — Вальдмюллер Л., *прелат.* Возможно ли евхаристическое общение Православных Церквей с Римом? // Логос. Диалог Восток–Запад. Брюссель; Мюнхен; М., 1995. Т. 50.
6. Вера, таинства и единство Церкви (1987) — Вера, таинства и единство Церкви. Бари, 1987 г. // Bari, 1987, Valamo, 1988, Balamand, 1993. Commission mixte catholique-orthodoxe pour le dialogue théologique / Бари, 1987 г., Новый Валаам, 1988 г., Баламан, 1993 г. Международная смешанная богословская комиссия. 2. Unité / Единство. Editions du Livre ouvert, 1995. С. 16–79.
7. Выводы (1998) — Выводы смешанного Комитета // Первенство Римского епископа в общении Церквей / Смешанный православно-католический Комитет во Франции. М., 1998. С. 112–122.

8. Гассман (1974) — *Гассман Г.* Папское служение — экуменическая перспектива // Папство и Петрово служение: Сб. статей (доклады, 26–27.10.1974 г., Цюрих). Перевод. Машинопись // Из фондов б-ки МДА.
9. Джероза (1996) — *Джероза Л.* Каноническое право в Католической Церкви. М.: Христианская Россия, 1996. 379 с.
10. Иоанн-Павел II (2000а) — *Иоанн-Павел II, papa.* Верую в Церковь Единую, Святую, Вселенскую и Апостольскую. М., 2000. Т. I. 762 с.
11. Иоанн-Павел II (2000б) — *Иоанн-Павел II, papa.* Ut unum sint // Православие и Католичество. От конфронтации — к диалогу. М., 2000. С. 427–500.
12. Каспер (2006) — *Каспер В., кардинал.* Введение в предмет и католическую герменевтику постановлений I Ватиканского Собора // Петрово служение. Диалог католиков и православных. Под ред. кардинала В. Каспера. М.: ББИ, 2006. С. 17–34. (Сер.: Диалог).
13. Катехизис (1996) — Катехизис Католической Церкви. М., 1996. 813 с.
14. Наги (1994) — *Наги С., кардинал.* Католическая Церковь. Богословские обоснования. Рим; Люблин: Изд-во Святого Креста. 1994. 312 с.
15. Окружное послание (1895) — Окружное послание 1895 г. // Догматические послания православных иерархов XVII–XIX вв. о православной вере. М., 1995. (Репр.: СПб., 1896). С. 245–270.
16. Письмо (1994) — Письмо Конгрегации по вопросам вероучения Епископам Католической Церкви о некоторых аспектах представления о Церкви как об общении // *Эве Ф., свящ.* Тексты о Церкви. М.: Колледж католической теологии им. св. Фомы Аквинского, 1994. С. 11–18.
17. Послание Восточных Патриархов (1848) — Послание Восточных Патриархов 1848 г. // Догматические послания православных иерархов XVII–XIX вв. о православной вере. М., 1995. (Репр.: СПб., 1896). С. 198–244.
18. Поттмайер (2006) — *Поттмайер Г. Й., свящ.* Современные дискуссии о первенстве в связи с I Ватиканским Собором // Петрово служение. Диалог католиков и православных / Под ред. кардинала В. Каспера. М., ББИ, 2006. С. 236–256. (Сер.: Диалог).
19. Ранер (1976) — *Ранер К., свящ.* Епископат и примат // Логос. Paris; Bruxelles, 1976. Trimestriel № 1–4. С. 1–21.
20. Ставровский (1985) — *Ставровский А.* О безусловности вероучительных суждений Папы // Символ. Париж, 1985. № 14. С. 84–103.
21. Таинство священства (1988) — Таинство священства в структуре таинств Церкви (В частности, важность апостольской преемственности для освящения и единения народа Божьего), Новый Валаам, 1988 г. // Bari, 1987, Valamo, 1988, Balamand, 1993. Commission mixte catholique-orthodoxe pour le dialogue theologique / Бари, 1987 г., Новый Валаам, 1988 г., Баламан, 1993 г. Международная смешанная богословская комиссия. 2. Unité / Единство. Editions du Livre ouvert, 1995. С. 80–137.
22. Тайна Церкви и Евхаристии (1982) — Тайна Церкви и Евхаристии в свете тайны Святой Троицы; Мюнхен, 1982 // Православие и Католичество. От конфронтации к диалогу. М., 2000. С. 265–277.
23. Тильс (1972) — *Тильс Г., свящ.* О богословском смысле первенства // Логос. 1972. № 2 (6). С. 17–36.
24. Фрис (1992) — *Фрис В. де., свящ.* Православие и Католичество. Противоположность или взаимодополнение? Брюссель, 1992. 76 с.
25. Эве (1994) — *Эве Ф., свящ.* Курс экклесиологии. М.: Колледж католической теологии им. Св. Фомы Аквинского, 1994. 44 с.
26. Юркович (1995) — Каноническое право о народе Божием / Сост. свящ. И. Юркович. М.: Истина и жизнь, 1995. 448 с.
27. CIC (1919) — Codex Juris Canonici Pii X Pontificis Maximi iussu digestus Benedicti Papae XV auctoritate promulgatus praefatione fontium annotatione et indice analitico-alphabetico ab emo Petro card. Gasparri auctus. Romae: Typis Poliglottis Vaticanis MCMXIX. 778 p.
28. CIC (1983) — Codex Iuris Canonici. Auctoritate Ioannis Pauli P. P. II promulgatus. Libreria Editrice Vaticana, MDCCCCLXXXIII. 317 p.

29. Laetentur caeli – Concilio Ecumenico Fiorentino. Bolla d'unione “Laetentur caeli et exultet terra”. Firenze. 6 luglio 1439. Firenze: AGAF., s.a. 15 p.
30. Il Primato (2002) – Il Primato del successore di Pietro nel mistero della Chiesa. Considerazioni della Congregazione per la Dottrina della Fede. Testo e commenti. Libreria Editrice Vaticana, 2002. P. 9–21.
31. Dejaifve (1961) – *Dejaifve G. Pape et Évêques au premier Concile du Vatican*. Desclée de Brouver, 1961. 154 p.
32. Ignatius: *Ad Magnesios* – *Ignatius Theophorus*. Epistola ad Magnesios // PG 5. P. 661–674.
33. Lanne (1979) – *Lanne E. La conception post-tridentine de la Primauté et l'origine des Églises unies* // *Irénikon*. Chevetogne, Belge: Monastère Bénédictin, 1979. No. 1.
34. Le Synode Extraordinaire (1985) – Le Synode Extraordinaire 1985 // *La Documentation catholique* 1909 (5.01.1986). P. 17–46.
35. Lumen Gentium – II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium* [«Свет народов»] (21 ноября 1964) // *Документы II Ватиканского Собора*. Москва: Паолине, 1998. С. 63–130.
36. Pastor Aeternus – Догматическая конституция «PastorAeternus» // *Эве Ф., свящ.* Тексты о Церкви. М.: Колледж католической теологии им. св. Фомы Аквинского, 1994. С. 3–7.
37. Rodríguez (2002) – *Rodríguez P. Natura e fini del Primato del Papa: il Vaticano I alla luce del Vaticano II* // *Il Primato del successore di Pietro nel mistero della Chiesa. Considerazioni della Congregazione per la Dottrina della Fede. Testo e commenti*. Libreria Editrice Vaticana, 2002. P. 81–111.